

Сегодня пятый день второго лунного месяца.

Последние дни прошли без происшествий. На протяжении всего праздника Фестиваля фонарей Цзюцяньсуй оставался рядом со мной. Вместе мы ужинали, гуляли, занимались каллиграфией и спали в одной постели. Шесть дней и ночей пролетели незаметно, после чего он снова вернулся к своему напряженному графику.

Единственное изменение заключалось в том, что за эти шесть дней я наконец научился управлять каллиграфической кистью и мог писать эти два иероглифа Ли Цинь довольно плавно.

Цзюцяньсуй был весьма доволен моим достижением; он гладил меня по голове и хвалил за то, что я умный, от чего я почувствовал себя избалованным и очень счастливым. Ведь последний раз подобные комплименты я получала, когда мне было восемь или девять лет. В течение следующих десяти лет или около того у меня больше никогда не было возможности столкнуться с подобным обращением.

Все любят, когда их хвалят, и я не был исключением. Я до сих пор помню, как несколько лет назад я был тайным гвардейцем. Каждый раз, когда я выполнял задание и отчитывался перед Его Королевским Высочеством, даже легкий кивок с его стороны мог скрасить мой день.

Возможно, потому, что он был занят государственными делами, Цзюцяньсуй подарил мне фиолетовую нефритовую кисть для каллиграфии, сделанную из волос ласки, но не научил меня другим новым символам. Вместо этого он лишь посоветовал мне больше тренироваться в свободное время.

Он все равно находил время в своем плотном графике, чтобы держать меня на руках и целовать каждый день. Иногда он не отпускал меня после наших поцелуев, пока мы лежали ночью в постели. Когда он держал меня на руках, как будто я самое естественное, мы были словно пара влюбленных, обнимающихся и погружающихся в глубокий сон.

Однако он так и не пошел дальше, чтобы сблизиться со мной.

Если я не ошибаюсь, причина, по которой он прикасался ко мне в течение этих двух раз, на самом деле заключалась в том, что после употребления отваров у меня был невыносимый жар.

Чем добрее он относился ко мне, тем больше я беспокоился.

Я вообще ничего о нем не знал. Я не знал, почему он такой темпераментный. Я понятия не имел, о чем он думал под своим сдержанным видом. Не говоря уже о том, что я также совершенно не имел ни малейшего представления о том, откуда взялась его особая

«привязанность» ко мне и когда она исчезнет.

Я не имел в виду, что боюсь потерять его благосклонность или свой статус, как те императорские супруги. (Прим: У древнего китайского императора был Хугун, или «задний дворец», который состоял из его жены и других супругов и наложниц) Это никогда не было частью моих потребностей. Чего я боялся, так это того, что, пока он меня балует, я могу неосознанно сделать что-то неуместное, что перейдет все границы. Если бы однажды он вдруг разозлился на меня, то единственное правонарушение, связанное с прямым обращением к нему по имени, было бы для меня достаточным доказательством для десятков казней.

В этом тревожном душевном состоянии я жил в волнении и страхе каждый божий день, как будто постоянно ступал по тонкому льду.

Но мне все равно приходилось притворяться, быть послушным и принимать всю его близость, позволяя ему обнимать меня, целовать и называть «Сяо Цзин».

Тем не менее, моя жизнь не была совсем неприятной. В течение этого периода четыре врача, проживающие в особняке, ежедневно приходили проверять мой пульс и раз в несколько дней корректировали мой рецепт. Хотя рецепты были разными, все лекарства были ужасными на вкус и их было трудно глотать, но, принимая отвары каждый день вовремя, я начал постепенно наблюдать значительные улучшения в своем здоровье.

Самым значительным улучшением было то, что мои ноги стали намного устойчивее, чем раньше, и я больше не спотыкался при ходьбе. Мои руки и кисти также обрели некоторую силу, что позволило мне нести наполовину наполненное ведро с водой.

Хотя моему выздоровлению еще предстоит пройти долгий путь до моего прежнего здорового состояния, мой прогресс уже был поистине восхитительным.

Однажды управляющий особняка привел портного, чтобы снять с меня мерки, и сообщил, что Цзюцзяньсуй заказал для меня пошив кое-какой одежды. К моему ужасу, через четыре-пять дней мне доставили два больших ящика с одеждой. Бегло взглянув, я понял, что все наряды были изысканно сшиты и не сильно отличались по текстуре и дизайну от одежды, которую обычно носил Цзюцзяньсуй.

Я осторожно спросил управляющего, может ли он обменять их на какую-нибудь более простую одежду из грубой ткани. Поразмыслив некоторое время над этим каверзным вопросом, он, в конце концов, отказал мне под добрым предлогом. «Ну... хозяин оговорил, что грубая одежда подходит только для слуг, и эта одежда сшита на заказ, молодой господин Кэ. Если вы их не наденете, боюсь, они пропадут даром».

И поэтому у меня не было другого выбора, кроме как принять одежды.

В тот день Цзюцзяньсуй был настолько занят, что вернулся в особняк чуть ли не перед ужином.

Я сидел за столом и смотрел, как он приближается ко мне. Аксессуары на его высоком пучке волос и темно-фиолетовом официальном одеянии придавали ему еще более величественный вид. Даже усталость от напряженного рабочего дня не могла замаскировать его сильный и внушительный вид.

Пришлось признать, что даже будучи евнухом, он был сильнее и выдающимся, чем большинство людей.

«Дужу», — окликнула я его, взглянув вверх, и он наклонился, чтобы слегка коснуться моих губ своими, прежде чем сесть на сиденье во главе стола, как и в любой другой день.

У нас было принято воздерживаться от разговоров за обеденным столом, поэтому за едой мы почти не общались. Только после ужина, когда Цзюцяньюсуй сопровождал меня после посещения двора четырех врачей, когда мы вместе гуляли по саду, я понял, что он сегодня был необычно тихим.

Я повернулся, чтобы посмотреть на него, не пряча взгляда, но он, вопреки своему обычному поведению, не встретился со мной взглядом. Он устремил взгляд на ярко освещенную спальню вдалеке. Глядя сбоку, его красивый профиль казался еще более равнодушным и благородным в серебряном лунном свете.

«Сегодня пятый день второго лунного месяца», — наконец произнес он.

Я ответил в замешательстве, опустив голову и глядя на каменную дорожку под ногами. Я ожидал, что он продолжит говорить, но вместо этого последовало долгое молчание.

Поскольку за нами не следовали никакие слуги, присутствие Цзюцяньюсуй было особенно заметно в тишине ночи. Его походка выдавала намек на неустойчивость, которую было нелегко заметить, и его шаги замедлились, в конце концов, остановившись.

«Император отменил приказ о заключении Шуньвана» — внезапно сказал он ровным и лишенным эмоций тоном.

Я, однако, резко поднял голову, мои глаза расширились в неверии.

В следующий момент Цзюцяньюсуй схватил меня за плечи и прижал к каменной стене на обочине дороги. Он применил огромную силу, причинив мне боль в спине, когда ее прижимали к камням.

Лишь в непосредственной близости я смог заметить его налитые кровью глаза. Он был похож на короля-волка, который только что яростно сражался с другой стаей волков, глядя на меня измученными, но свирепыми глазами.

Я открыл рот, не в силах среагировать на этот внезапный поворот событий.

«Его Величество не только снял ограничение, но и разрешил ему вернуться ко двору. Ты знаешь почему?»

Почему?

— Может быть... из-за... вас, Дужу? Я попытался ответить ему с догадкой.

Цзюцяньсуй пристально посмотрел на меня, его темные глаза мерцали эмоциями, которых я не мог понять. Руки, схватившие меня за плечи, сжались еще сильнее.

«Его Величество уже давно озабочен вопросом выбора подходящего кандидата в качестве наследного принца. (Прим: Исходный термин здесь — Тайцзы, 太子, подразумевает назначенного преемника престола после смерти императора.) Перед придворным праздником Фестиваля фонарей он вызвал меня в свой кабинет и поинтересовался состоянием Шуньвана». Он наклонился еще ближе, зажав меня между своим телом и стеной, лишив меня возможности пошевелиться. «Я сказал Его Величеству, что Шуньван потерял все свои амбиции во время заключения и, возможно, больше не способен нести большую ответственность. Он спросил, почему, и я сказал ему, что Шуньван проявил милосердие к раненой иволге. Он хранил её тайно в своей спальне и растил, и даже своим слугам не дал знать об этом. Услышав это, Его Величество пришел в ярость. Он разбил чернильный камень на месте и сделал мне строгий выговор. На следующий день он подготовил королевский указ об отмене заключения Шуньвана.

Сяо Цзин, ты знаешь почему?»

Я ошеломленно смотрел на него, когда он холодно ухмыльнулся мне, его внушительное присутствие было настолько сильным, что мне стало трудно дышать. Я не ответил.

«Потому что, когда Его Величество был еще принцем, он тоже проявил милосердие к раненой птице, и из-за этого был наказан покойным императором, заставившим его стоять на коленях три дня и три ночи. У той иволги, которую он спас, все перья были вырваны заживо, и она умерла, залитая кровью, прямо на его глазах. Тогда об этом инциденте мало кто знал. Но, к сожалению, Ли Чжан, проклятый старик, знал об этом. Какое совпадение, тебе не кажется?»

Ли Чжаном звали бывшего начальника Восточного склада, а также он был... «приемным отцом» Цзюцяньсуя. (Прим: Поскольку евнухи не могут быть отцами биологических детей, молодые евнухи обычно ищут защиты у могущественного евнуха, становясь их «приемным сыном/внуком». Евнуху приятно иметь как можно больше «приёмных отпрысков»)

Огромное количество информации заполонило мой разум. Мне потребовалось немало времени, чтобы, наконец прийти в себя от ошеломления под взглядом Цзюцяньсуя, который был похож на взгляд змеи. Затем я смог постепенно разобраться в разгадках и осознать ужасающий ключ

к каждой загадке.

«Его Королевское Высочество на самом деле никогда не спасал раненую птицу...»

"Правильно" Цзюцзяньсуй ответил решительно, и на его губах даже появилась зловещая улыбка, его взгляд был ледяным, когда он остановился на моем лице. "И что теперь? Сяо Цзин, не мог бы ты сообщить мне об обмане императора, чтобы ты могли покинуть мой особняк Дюгоней?"»

Когда дрейфующие темные облака заслонили лунный свет ночного неба, вокруг нас внезапно стало темно. Его искаженное выражение лица и настойчивые допросы заморозили воздух вокруг нас, и мой разум погрузился в хаос. Паника и страх — это все, что я ощущал.

И все же он по-прежнему не выказывал намерения пощадить меня. Он терпеливо ждал моего ответа, нисколько не отводя взгляда.

Чем дольше он так смотрел на меня, тем хаотичнее становились мои мысли. Только после примерно 5 минут, я с трудом смог прийти в себя. Я ответил дрожащим голосом: «Нет, это не так...»

Цзюцзяньсуй молча посмотрел на меня.

— Я не сообщу о вас, Дужу... — Я набрался смелости поднять голову и встретиться с ним взглядом. Однако я внезапно кое-что вспомнил, когда мои глаза встретились с его лицом, поэтому я выпалил: «Это вас задело?»

"Хм?" Он тоже был ошеломлен.

Именно тогда я понял, как странно прозвучал мой вопрос, но брать его обратно было уже поздно. Я мог только добавить тихим голосом: «Когда Его Величество разозлился, он бросил свой чернильный камень в вас ...?»

<http://bllate.org/book/14094/1239608>